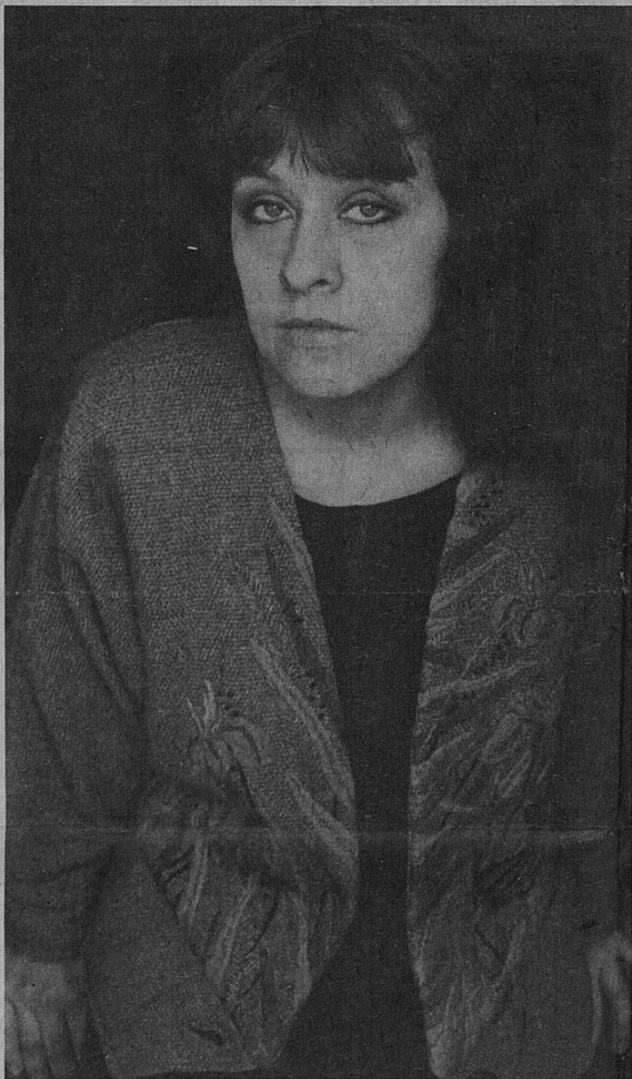

РОДНИК страница творческой

Мечта и будни

ТЕАТР — МОЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Прозаику, драматургу и художнику Юрге Иванаускайте — двадцать пять лет. В позапрошлом году вышел сборник ее новелл для молодежи «Год ландышей», заслуживший особое внимание критиков. Несколько новелл переведены на венгерский, немецкий, чешский языки, полностью сборник собираются издать в Эстонии и Армении. Вскоре издательство «Вага» выпустит роман Ю. Иванаускайте «Блуждающие деревья», по мотивам которого Литовская киностудия собирается снять художественный фильм. Юрга завершает работу над вторым сборником новелл. Но пока, видимо, на первом плане у нее театр: чтобы понять это, достаточно увидеть Ю. Иванаускайте в Академическом театре драмы вместе с режиссером Гитисом Падегимасом, бутафорами, осветителями.

— Долгое время я была абсолютно равнодушна к театру. А для моей бабушки, например, театр — это храм, где она жила, где творили Миронайте, Юкявичюс... Для меня театр ничего не значил до гастролей Каунауского драматического, когда я увидела спектакли, поставленные Ионасом Вайткусом — «Последние», «Калигула»... Затем я прочла в печати призыв Гитиса Падегимаса к молодым авторам — пишите пьесы! Вот я и попробовала.

Премьера на малой сцене Академического драмтеатра. Пьеса Юрги Иванаускайте «Не играйте с луной», жанр которой автор определила так: «Исповедь в пустой исповедальне». Велел за Р. Растваускасом, который написал пьесу в семнадцатилетнем возрасте и, видимо, все еще остается самым молодым драматургом, Юрга тоже рано дебютирует в театре. Она одновременно и художник спектакля. Правда, она и раньше создавала театральные плакаты (в 1985 году Ю. Иванаускайте закончила Художественный институт по специальности графика), в основном к постановкам Каунауского драмтеатра. «Ричард III», «Уроки литературы». Кем же интереснее быть — драматургом или художником?

— Я не считаю свою пьесу «Не играйте с луной» большой удачей. По правде говоря, я больше верила в себя, создавая сценографию. Чувствовала, что вначале актеры словно сопротивлялись моему тексту, не понимали его до конца, требовали кое-что изменить. Всякое бывало — и страх тоже... Но рождение спектакля захватило меня. Театр — моя реальность, к которой я очень стремилась.

Но не возраст Юрги, конечно, главное. Главное, что на сцену нашего театра (хоть и не Молодежного, которому в особенности следует откликнуться на проблемы молодых) она привела своих героев. Юрга в театре продолжает откровенный разговор о своих ровесниках, начатый в сборнике новелл «Год ландышей». Но уже на другом уровне. Ведь не случайно Инга, главная героиня пьесы, — известная актриса, играет Саломею Оскара Уайльда, не случайно все герои варьируют основную тему творчества этого писате-

ля — тему природы, призвания художника, его миссии. А происходит это на девятом этаже стандартного девятиэтажного дома, в квартире, за окнами которой «видны пролетающие самолеты». К этому окну и подходят один за другим, чтобы посмотреть на луну (или задернуть шторы), пятеро героев, молодых людей, объединенных материальными и не совсем материальными связями. В то же окно Ионас и выбрасывается, но через несколько минут вновь выходит из соседней комнаты. Глубоко болезненные судьбы всех героев (хотя, казалось бы, живут они нормально), их взаимоотношения — решающие — протекают в зеркальном, пурпурном пространстве спектакля. Для кого-то, можно заранее предположить, это будет неприемлемо. Я слышала, например, точку зрения актера, незанятого в спектакле: «Броситься с девятого этажа и через две минуты вернуться... не понимало...». Подобное уже случалось с творчеством Юрги. Она может шокировать, возмутить, нарушить покой тех, для кого проблемы души все еще неважны. Кто склонен только наказывать, а не выяснять, «почему», «откуда», «как»?

Вышедший в 1985 году

«Год ландышей» вызвал сумятицу среди читателей (в первую очередь среди учащихся и студентов). Поколение узнало себя. Критика тоже неоднократно обсуждала сборник. Последовали не только положительные отзывы: у некоторых, чтобы посмотреть на луну (или задернуть шторы), пятеро героев, молодых людей, объединенных материальными и не совсем материальными связями. В то же окно Ионас и выбрасывается, но через несколько минут вновь выходит из соседней комнаты. Глубоко болезненные судьбы всех героев (хотя, казалось бы, живут они нормально), их взаимоотношения — решающие — протекают в зеркальном, пурпурном пространстве спектакля. Для кого-то, можно заранее предположить, это будет неприемлемо. Я слышала, например, точку зрения актера, незанятого в спектакле: «Броситься с девятого этажа и через две минуты вернуться... не понимало...». Подобное уже случалось с творчеством Юрги. Она может шокировать, возмутить, нарушить покой тех, для кого проблемы души все еще неважны. Кто склонен только наказывать, а не выяснять, «почему», «откуда», «как»?

Книга вызвала поток пародий. В столах редакции по меньшей мере несколько неопубликованных, кое-что вышло в «Коммунистическом».

Плакат к спектаклю «Не играйте с луной». Автор — Ю. Иванаускайте.

Так и тянет поиграть уже открытыми атрибутами, пошутить таинственными исчезновениями. Но не было в пародиях существенного — бесполой коиства об одиночестве, отчуждении и попытки справиться с этим. Некоторые, правда, не находят этого и в творчестве самой Юрги, характеризуют его коротко: наркоманы и их галлюцинации...

О первой книге Юрга сегодня говорит:

— «Год ландышей» — пройденный этап. Новеллы я создавала в восемнадцатилетнем возрасте. Но пишущие о «Ландышах» просто их не понимали. Большинство писали не о книге, а неизвестно о чем. Подобное произошло и теперь, когда в еженедельнике «Литература ир мянас» был опубликован «Последний поезд», затем обсуждавшийся там же А. Бучисом. Ведь не понял критик новеллу! Она об одиночестве — не о наркомании. И о том, что еще при жизни человек может умереть (это старая ситуация в литературе). Критик нападает на «модную» тему наркомании и сам же на ней попадает. Боюсь, как бы мне не приклеили ярлык пишущей только о наркоманах...

— Если собрать воедино все упреки критики к твоему творчеству, они прозвучали бы так — герои социально анемичны, ничтожны их духовные проблемы...

— Каждый человек ведь тоже социальная проблема! Одиночество и попытка спастись от него, от отчуждения — для меня это важно. И герметичность творчества, в которой меня тоже обвиняют, вероятно, сохранится.

Парадокс, но взрослым, казалось бы, людям надо учиться жить, оценивать прошлое, каждый раз возвращаться в «душу интерната», о котором говорит герой пьесы «Не играйте с луной» Повилас. И героев пьесы мы действительно не обвинили бы в боязни плакать или смеяться... Они, несмотря на самые фантастические повороты действия и на луну, которая словно шестой герой там, за окном, среди пролетающих самолетов, — говорят о делах человеческих, поскольку не могут ее испытать, не выпрямляются, утрачивают ее. И пародии тут не являются ни целью, ни средством. Герои пьесы уже знают, что они не спасают. Стоит ли доказывать, что на этой земле никто не застрахован от утрат? И молодым это особенно больно. В пьесе Юрга, как мне кажется, заметно приблизилась к сути, к боли. Ю. Иванаускайте своим драматургическим произведением словно отрицает миф о себе самой: я проще, забочусь о судьбе человеческого счастья. Таинственная панковская сумка героини «Года ландышей» уже покоится на пьезде. Причем не следует путать героя с автором. Мы демонстрируем глубокий провинциализм, отожествляя писателя с героем и его пороками...

— Меня считают бальном судьбы: и книги я издаю, и пьесу мою поставили, да еще выставки, переводы... Но жизнь довольно часто поворачивается ко мне теневой стороной. В детстве я много болела. И хотя в те годы я, казалось, не видела темных кра-

сок, теперь часто вспоминаю больницы в Ленинграде, одиночество... Мама долго запрещала мне писать, утверждая, что ничего из этого не получится. Но мне хотелось доказать. Я ходила по психиатрическим больницам, хотела увидеть настоящих наркоманов, понять, что их вынудило к этому. И что же — сидит девчонка на койке и вяжет. О чем тут говорить, какие там драмы... Уныло... Но у больницы герои есть реальные прототипы. И так, тогда я «доказала». А теперь не чувствую себя ни такой сильной, ни такой уверенной, как тогда, когда относилась первые новеллы Ионасу Микелюнасасу, который их не разругал, а сказал «хорошо». Теперь же я чувствую себя неловко даже в секции молодых писателей.

— Может быть, потому, что ты в двойственной ситуации женщины и художника? Или потому, что не участвуешь во всей этой литературной суете, а просто работаешь? Обязателен ли выбор между творчеством и «нормальной» женской жизнью?

— Я должна была выбирать. Сама видишь, что я выбрала. Что выбрала бы теперь, если бы пришлось? Не знаю. Хотя пишущих женщин становится все больше (вполне естественно, что они стремятся реализовать себя), к женщине-художнику относятся с подозрением. Все — от преподавателей в институте, пишущих ровесников-мужчин до редакторов издательств. Я отнесла в издательство книгу для детей «Волшебная клякwa» с десятью своими иллюстрациями, мне сказали, что слишком много в них пугает, у птиц длинные когти, слишком ярко окрашенные... Гитис Падегимас посоветовал: надень на них перчатки...

Как удивляет и пугает то, что увидели не мы первые. Как мы настораживаемся, когда говорят правду, в которую все мы в душе верили. Кто-то должен быть первым и дорого платить за эту адекватную привилегию. Сегодня к наркомании мы относимся просто как к несчастью, сегодня мы уже ищем истоки этой беды, спрашиваем в первую очередь: почему такое происходит? Где перерезана артерия? Об этом и пьеса Юрги.

Глядя из окна девятого этажа на двор в новом вильнюсском микрорайоне, я вижу каждый день одно и то же: горящие или дымящиеся кучи картона от новой мебели и вокруг — пропахших этим дымом детей. Какой будет их исповедь через несколько лет? Видение какого огня закрепится в их подсознании? На что они могут устремить свой взгляд, если заболит душа — на пилоту или на самолет? Как важно, чтобы они повесили сумку предсказателя на пьезде и разобрались в себе, поняли себя. Театр взялся помочь в этом. На сцену наконец вышел молодой человек наших дней со своими проблемами.

Л. ТИРВАЙТЕ.

Фото Р. Урбакавичюса.